Г. Д. Неганова

ЛАНДШАФТНАЯ ЛЕКСИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПИСАТЕЛЕЙ XIX ВЕКА, СВЯЗАННЫХ С КОСТРОМСКИМ КРАЕМ

Landscape lexis comprises various word groups including names for general views of an area and its component parts. A number of words from this lexis set are found in works by S. V. Maksimov, A. N. Ostrovsky, A. F. Pisemsky, A. A. Potekhin, E. V. Chestnjakov, 19th century writers connected with the Kostroma region. Analysis shows that, despite the presence of some borrowed words, the landscape lexis addressed mostly originates from local dialects. The writers use landscape lexis figuratively, with fixed metaphors normally attaching negative connotation. The landscape lexis found in the works of the authors above reflects the basic processes that unfolded in the Russian language of the period.

Ландшафтная лексика включает различные группы слов, среди которых наименования общего вида местности и её составных частей. Ряд слов, входящих в эту тематическую группу, представлен в произведениях С. В. Максимова, А. Н. Островского, А. Ф. Писемского, А. А. Потехина, Е. В. Честнякова — писателей XIX в., связанных с костромской землёй, а также в думе «Иван Сусанин» К. Ф. Рылеева, рассказах А. М. Касаткина, уроженца Кологривского уезда Костромской губернии, и В. Я. Шишкова, посещавшего край в начале 1920-х гг.

Слово *ландшафт* вошло в русский язык как заимствованное из немецкого (Landschaft ‘местность’) и до начала XX в. не имело единого толкования. В значении ‘рисунок, изображающий сельский вид’ оно даётся в «Словаре церковнославянского и русского языка» [24, II: 244]; в словарях иностранных слов представлено как ‘красивое сельское[1] местоположение’ [12: 386] и ‘вид природы, не тронутый культурою’ [21: 348]. Слово *ландшафт* входит в лексику произведений А. Н. Островского, его значение в пьесе «Дикарка» ‘вид местности/природы, о лесе — неотъемлемой части помещичьей усадьбы’[2] имеет аксиологический оттенок.

Мальков. Что бы вам, Александр Львович, ту рощу продать, которая за парком.

Ашметьев. Что вы, помилуйте! Такой старый лес.

---

[1] При этом *сельский* можно рассматривать как ‘к селу, селению, к деревне относящийся’, как ‘пртвплжн. *городской, посадский*’ [4, IV: 172].

[2] Об эстетической составляющей лесного ландшафта говорит и Гурмыжская в комедии «Лес»: «…что за имение без леса! Некрасиво» [15, III: 262].

Мальков. Молодые-то леса красивее старых.

Ашметьев. Вот странно, в первый раз слышу. Почему же это?

Мальков. Во-первых, потому, что все молодое лучше старого, а во-вторых, в молодых лесах большой прирост, много процентов приростом дают; а старые уж не растут.

Ашметьев. Особенный взгляд на природу, новая теория ландшафта.

Мальков. Ландшафты-то хороши, да убыточны: не по деньгам нам; мы, по глупости, больше со стороны доходности смотрим... Мекаем да по пальцам рассчитываем.

Ашметьев. Как ни смотрите, а прекрасное все-таки останется прекрасным; законы изящного неизменны.

Мальков. Ну, виноват! Вперед не буду. Нет, я к тому, что доходные-то имения прочней!

Боев. Да, они долго хозяев не меняют.

Мальков. А ландшафтами-то любуются, любуются, ан глядишь — и сукцион.

Боев. А с укциону-то купит купец; через полгода, вместо ландшафтов, всё полусажёнки стоят [15, 6: 178].

В современном русском языке лексема *ландшафт* толкуется как ‘совокупность природных, географических признаков (рельеф, климат, почва, растительный и животный мир), образующих единую систему; участок земной поверхности с такой совокупностью признаков’; ‘общий вид какой-либо местности[3]; пейзаж’[4], а также ‘изображение какой-либо местности; картина, рисунок’ [1, IX: 51]. В XIX веке большую часть Костромской губернии занимали леса. «Дикая лесная сторона» [7: 220] — так характеризует свой край И. М. Касаткин. А. Ф. Писемский называет костромскую землю лесной губернией, Н. С. Лесков — лесной местностью и лесной стороной. С лесным морем сравнивает костромские леса С. В. Максимов: «Огромное беспредельное море лесов, среди которого становится даже положительно страшно, представляет в этой местности именно то явление, каковое скоро сделается большой редкостью на всех пространствах России, прорезаемой Волгой и её притоками» [10: 84]. На лес[5] как особенность костромского ландшафта обращал внимание и А. Н. Островский. В дневнике 1848 года о дороге в Щелыково драматург писал: «Дорога идет все лесом и горами. Куда ни

[3] В Толковом словаре иноязычных слов Л. П. Крысина — ‘общий вид местности, её строение’ [8: 425].

[4] В Словаре русского языка (МАС) данное значение представлено с пометой «устарелое» [23, II: 163].

[5] Словарь народных географических терминов (СНГТ) определяет лес как ‘тип растительности, ландшафт, где господствуют древесные виды, образующие сомкнутый покров’ [13: 340].

взглянешь, кругом лес. Признаться, это довольно утомительно» [15, X: 358].

Лес — место действия многих произведений писателей, творчество которых связано с костромским краем. В комедии «На бойком месте» А. Н. Островского постоялый двор расположен в лесу (*…а лес-то на двадцать верст…*; *Как станет смеркаться, ты выезжай из двора налево, да потом лесом круг двора и объедешь к большой дороге и жди меня там в кустах*). Действие пьесы «Суд людской — не Божий» А. А. Потехина происходит в деревне, расположенной вблизи леса (*Сцена представляет деревенскую улицу… Вдали, на заднем занавесе, виднеется дорога, идущая сначала полями, потом уходящая в лес*). Усадьба Бешметева в повести «Тюфяк» А. Ф. Писемского окружена лесом (*Она была в страшной глуши, окружалась со всех сторон лесом и болотами*), как и деревня в рассказе «Леший» (*Надобно сказать-с, что захолустьев и дичи, по своей службе, много видывал, но этаких печальных мест, как эта деревня, не встречал: стоит в лощине, кругом лес, и не то что этакой хороший лес, а какой-то паршивый: елоха и осина наголо, разве кое-где изредка попадется сосенка…*). Посад Парфентьев в очерке «Грибовник» С. В. Максимова расположен в ложбине, которую «кругом обступили горы» (*По горам стоят густые сухие леса, так называемые боры… пять сёл кажут через лесные гребни золотые кресты и белые каменные здания… <…> Очень нетрудно найти такие пункты, с которых леса кажутся в таком изобилии, что будто разлилось лесное море, среди которого даже не видать и этих белеющих островов с лугами и селениями*). Вдали от населённых мест, куда «не только дорог — тропы из жила́ туда не было» [29: 248], «кругом в лесу» жила-была представленная в романе-сказке «Стафий — Король Тетеревиный» Е. В. Честнякова «лесная деревня» Выскориха «с самобытно простой бесхитровой святой жизнью» [29: 339]. В глухом лесу разыгрывается трагедия в думе «Иван Сусанин» К. Ф. Рылеева: «…Всё глуше и диче становится лес! / И вдруг пропадает тропинка пред ними; / И сосны и ели ветвями густыми, / Склонившись угрюмо до самой земли, / Дебристую[6] стену из сучьев сплели» [18: 176].

В текстах писателей XIX века зафиксированы различные наименования леса: *бор, бурелом, ветровал, глушь, дебри, раменья, сюзем, тайга, тайбола, трущоба, урман, чаща* и др. Такие слова, как *глушь* и *буреломина*, использует И. М. Касаткин в рассказе «Силантьево детство»: «Дорога опять заколесила лесом, глушью и буреломиной» [7: 284]. Если первое — «глушь» в значении ‘глухой лес’ входит в

[6] *Дебристый* — ‘полный дебрей’ [4, I: 424].

активную лексику, то второе — «буреломина» — в словарях русского языка не обнаружено. У Даля *бурелом*, *буреломник* — ‘лес, поломанный и сваленный бурей, ветролом и ветровал’ [4, I: 144]). С. В. Максимов слова *бурелом* и *ветровал* употребляет как имеющие различную семантику (*...много в них* <лесах> *и обширных полян, и широких просек, и ещё того больше ветровалов и буреломов* [10: 381]). Соответственно, бурелом — ‘участок леса, изломанного бурей’; ветровал — ‘участок леса, поваленного ветром’. Е. В. Честняков участок леса с поломанными или поваленными деревьям называет *лом* (мн. ч. *ломя*) [14: 352] (*И несёт его медведушко по лесу дремучему, через речки, овражинки, по ломям, кочерпажинам, по борам и проломочкам, по пенькам и колодинам*...[29: 124]). Употреблённый писателем диалектизм *кочерпажина* (дериват *кочерпажник*) представлен в списке «Народно-разговорная лексика в романе-сказке Е. В. Честнякова о Стафии — Короле Тетеревином» в значении ‘кочерыжник, крючкованый мелкий лес’ [14: 352]; в словаре народно-разговорного языка Е. В. Честнякова «Живое поунженское слово» *кочерпажник* — ‘чащоба, труднопроходимое место в лесу’ [3: 40]. Кочерпажник может расти на просеке: «…в кочерпажнике по Романкову разрубу у Якова растрепались лапти…» [29: 144]; *разруб* — просека в лесу (*Яковы все ушли…по Романкову разубу в Матвиево* [29: 142]). В значении ‘частый кустарник, непроходимая чаща’ [3: 85; 14: 359] в языке писателя зафиксировано слово *чапыга* (*Попошёл — чапыга… тропочки нет* [29: 116]).

С. В. Максимов, описывая «“щепеное” промысловое дело», процветавшее в «первобытных дремучих дебрях», называет последние *борами*, *раменьями* и *чнораменными лесами* [10: 381]. На протяжении XIX–XX столетий в русском языке наблюдается изменение семантики слова *дебри* (*дебрь*) в значении ‘лес’. В. И. Даль толкует его как ‘лесистая, густо заросшая долина, чернолесье[7] по раздолу[8]’ [4, I: 424]; И. И. Срезневский — как ‘лес и поросшие лесом горный склон, долина’ [25, I: 766]; в ТСРЯ термин представлен в значении ‘места, заросшие непроходимым лесом’ [26, I: 666]; в СНГТ — ‘непроходимый дремучий лес, чащоба’ [13: 175]. В произведениях С. В. Максимова дебрями названы как «густые сухие леса» — боры [10: 84], так и растущие «по сырым низинам, богатым перегноем»

[7] В. И. Даль представляет два значения этого слова: ‘лиственный лес, особ. дуб и ясень’ без указания места; ‘хвойный лес вообще и кедр?’ в Забайкалье [4, IV: 596]. СНГТ включает толкования термина с указанием ареала (юг, северная часть лесостепной зоны, Западная и Южная Сибирь) [13: 613].

[8] У В. И. Даля — ‘долина, лог, дол, разлог, равнина в долу, меж гор’ [4, IV: 27].

[10: 382] — раменья («непролазные костромские раменья» [11: 84]). Даль *рамень* и *раменье* (с пометой «костромское») толкует как ‘густой, дремучий, тёмный лес’, ‘глушь лесная непроезжая, без дорог, где только по опушке есть починки и росчисти’ [4, IV: 58]. В «Материалах для словаря русского языка» А. Н. Островского раменный лес «значит большой, ветвистый лес» [15, X: 511]. Словарные единицы *раменный лес*, *рамень*, *раменье* представлены в «Кратком костромском областном словаре» (КрКОС) в значении ‘густой, дремучий лес, не тронутый человеком’ [6: 287–288]. В этом значении употребляет А. Ф. Писемский словосочетание *лесовик раменной* в рассказе «Леший».

В «Крылатых словах» С. В. Максимова указано, что по раменьям часто встречается осина: «На них любит расти быстрее других лесных деревьев почитаемое всюду проклятым, но здесь почётное дерево — осина» [10: 382]. Однако в книге «Нечистая, неведомая и крестная сила» *рамень*, являясь синонимом слов *сюзем* и *трущоба*[9], означает ‘непроходимые хвойные леса’: «…Неодолимой плотной стеной кажутся синеющие вдали, роскошные хвойные леса, нет через них ни прохода, ни проезда. Только птицам под стать и под силу трущобы еловых и сосновых боров, эти темные “сюземы” или ”раменья”, как их зовут на севере. А человеку, если и удастся сюда войти, то не удастся выйти. В этой части останавливаются и глохнут даже огненные моря лесных пожаров. Сюземы тем уже страшны, что здесь на каждом шагу, рядом с молодой жизнью свежих порослей, стоят тут же деревья, приговоренные к смерти, и валяются уже окончательно сгнившие и покрытые, как гробовой доской, моховым покровом. Но еще страшнее сюземы тем, что в них господствует вечный мрак и постоянная влажная прохлада среди жаркого лета» [11: 59].

В очерке «Лесные жители» С. В. Максимова зафиксированы такие слова, как *тайга*, *тайбола*, *урман*: «Такими избушками <кушнями> заставлены северные леса даже в самых глухих своих тайболах и урманах, и вся сеть их представляет непрерывную цепь станций, уголков для угревы и отдыха по направлению от обоих величайших русских озёр до середины Печоры и дальше через Уральские горы в дальнюю глубь сибирской тайги» [10: 512]. В словарном гнезде *тай* У Даля эти слова представлены как синонимы со значением ‘обширные, сплошные леса, непроходимая, исконная глушь’ [4, IV: 385]; слово *урман* имеет также значения ‘хвойный

[9] В СНГТ *рамень* — ‘густой лес; хвойный еловый лес’ [13: 476]; *сюзем* (*сузём, сузёмок*) — ‘густые, большие леса, труднодоступные, глухие’ [13: 530]; *трущоба* — ‘густой непроходимый лес, заваленный буреломом, трухлявыми колодами или хворостом’ [13: 561].

лес’ и ‘дремучие, обширные леса по болоту’ [4, IV: 508]. Помимо названных, С. В. Максимов употребляет следующие наименования леса: *урема* (*уремы, т. е. поёмные леса или кустарники* [10: 550]); *полеший лес* (‘заросший кустарником низкорослый лес’ [13: 448]). Среди наименований леса с прозрачной этимологией у С. В. Максимова встречаются *еловый лес*, *березник* и *березняк*, *осинник*, *смешанный лес*, *сосник*; у А. Н. Островского — *глухой лес*, *лесная глушь*, *дубрава*, *заповедный лес*, *мелкий лес*, *молодой лес*, *старый лес*, *строевой лес*; *тропический лес*, *индийский лес* и др.; у Е. В. Честнякова — *ельник*, *березник* , *ольшаник* и *яушинник* (‘заросли ольхи, ольховник’), *лышники* — заросли молодой липы, липняк, в котором заготавливают лыко (*Все-де лышники вырублены*).

В очерке С. В. Максимова «Грибовник» при описании дороги из Костромы в «посад Парфентьев» встречается слово *волок*. В XIX веке оно могло толковаться как ‘гужевой путь через большой лес’; ‘глухой непроезжий лес, из которого срубленные деревья выносят, таща по земле’ [26, I: 350]. СНГТ представляет значения, встречающиеся в Костроме (‘лес, который тянется в длину на десятки км, откуда вывозили деревья волоком’), Архангельске (‘дорога лесным местом’) и Ярославле (‘низменные поёмные берега, наволок’) [13: 127], которые соотносимы со значением слова *волок* в тексте С. В. Максимова: «Двадцать пять вёрст от Галича тянется уже лесной волок без всякого жилья. Лес вырос на мокрой и ещё до сих пор сохраняющей свой дикий первобытный вид местности — огромный холодильник, в котором берёт свой исток река Нея… <…> Мрачный и мокрый лес кончается лишь для того, чтобы дать место большому селу…» [10: 81–82].

Второй особенностью костромского ландшафта, которая нашла отражение в литературе, являются болота, как природные (напр.: *Да так, и не здешняя и не дальняя, — у ручья при болоте живёт*; *...он* <Алексашка> *шёл один через леса, поля и болота и думал про себя свои сиротские думы…* (Н. С. Лесков, Однодум); *Пегас, подняв морду и грациозно переступая ножками, шёл верхним чутьём по болоту.* (А. Ф. Писемский, Взбаламученное море); *Два месяца, братец, в болотах неприступных держались, никак ни с которой стороны подойти к ним* <раскольникам> *невозможно было*. (А. Ф. Писемский, Люди сороковых годов); *Был на охоте в ваших болотах...* (А. Н. Островский, На бойком месте); *Шли каменистым болотом целый день.* (В. Я. Шишков, Алые сугробы), так и рукотворные: *Там, где земледелец… засорил реки, понизил русла, увеличил через то размеры весенних разливов, там стали скопляться стоячие воды, образовались безнадёжные болота…* (С. В. Максимов, Лесные жители).

В русском языке конца XVIII–XIX вв. слово *болото* имело различные значения: ‘топь, место, в котором дно иловатое, тинистое и покрытое водою, не имеющею течения, а иногда и мхом поросшее’ [19, I: 271–272]; ‘непросыхающая грязь от натёка по рыхлой почве; низкое, сравнительно с околицею, место, постоянно заливаемое родниками, отчего и образуется особая растительность и кислая почва’ [4, I: 110]; ‘топкое место со стоячей водой’ [26, I: 168]. В Кинешемском уезде Костромской губернии, а также в Тамбовский, Рязанской [22, IX: 80] и Вологодской [20: 141] губерниях болотом называли лужу, в Саратовской — озеро; в Смоленской — лес, в Новгородской — сено [22, IX: 80]. В костромских говорах в значении ‘топкое, сырое место, болото’ зафиксировано также слово *болотина*[10] [6: 35], которое входит в лексику произведений А. Ф. Писемского (*…луга всё больше болотина*. Люди сороковых годов). В произведениях Е. В. Честнякова значение этого слова, скорее всего, близко к представленному в СРНГ — ‘небольшое болотистое место’ [22, IX: 78] (*То бор, то болотина*…Сказание о Стафии — Короле Тетеревином). Кроме того, у Е. В. Честнякова встречаются такие слова, как *лава*[11], *лыва*, *ляга*[12], *ляха* в значении ‘постоянно мокрое, грязное, вязкое место’ и *ляжбина* ‘сырая низина’ [3: 46; 14: 352]. В «Материалы для словаря русского языка» А. Н. Островского включены словарные единицы *мох* — ‘болото в верховьях Волги’ [15, X: 488] и *лавда* — ‘трясина, болотистое озеро’ [15, X: 484][13]; в сказке «Снегурочка» употреблён термин *лядина* ‘заболоченная сырая низина’, ‘болото, трясина’ [6: 193] (*В глухих лесных трущобах, / В нетающих лядинах возвращает / Старик своё дитя*).

В современном русском языке слова *болото* и *озеро* имеют различные значения, однако в народной географической терминологии они могут являться синонимами (в СНГТ озеро — ‘естественный водоём, пруд, болото, топкий участок на лугу’ [13: 407]). В языке Е. В. Честнякова, отражающем кологривские говоры, обнаружено слово *озёрина* в значении ‘болото’ (‘заболоченное место, озеро, превратившееся в болото’ [3: 56]): «Ещё ладно, не закружился в каком болоте… А опасные есть, ежели озёрина какая сверху мохом зарос-

[10] Это значение отличается от представленного в «Словаре Академии Российской», который толкует слово *болотина* как ‘место болотное, топкое, иловатое, тинистое, топь’ [19, II: 272].

[11] СНГТ даёт в числе толкований термина такие, как ‘зыбкий остров’, ‘плавучая трясина’ [13: 332].

[12] У Даля *лыва* — ‘лужа’ [4, II: 271]; ляга — ‘непросышная лужа’, а в сибирских говорах — ‘болото, менее топкое, чем согра, вогра’ [4, II: 285]

[13] У В. И. Даля значение первого слова ‘моховое болото’ [II, 352]; второго — ‘пловучая трясина или пловучий остров’ [4, II: 231].

ла… Поманит человека луговина… взойдёт… вдруг прорвётся под ним… и зачнёт он барахтаться. Чем больше он бы старается вылезти, барахтается, тем больше его засасыват в тину — по брюхо… по грудь… по шею… и вот уже ни волосы видно… Потом то место затянет мохом — ровно ничего не случилось» [29: 302]. Известное ныне как Сусанинское болото, расположенное на территории современного Сусанинского района Костромской области, ещё в середине XIX в. именовалось Юсуповским озером и было окружено густым лесом [2].

Болотом назван, скорее всего, затопленный участок луга в повествовании М. Я. Диева[14] о «Нерехтском общественном болоте». Согласно Нерехтским писцовым книгам 1627 г., оно именовалось «чистое посадское болото» и было окружено частными пожнями. Со временем участок всё больше заболачивался, и в начале XIX в., поскольку, по оценке М. Я. Диева, «болото не приносило никакой пользы городу, даже было непроходимо», было решено расчистить его. Осенью 1805 г. был срублен покрывавший его ивняк, а весной городской голова, «избрав место, близкое и удобное для спуска воды в р. Солоницу, близ болота вытекающую…, по болоту к реке пошёл первый, потом велел идти за собою мужикам гусём и бойчее болтать ногами. От этого действия вода ринулась за народом и человеческий след образовала канавою, куда вода чрез несколько дней стекла, и болото покрылось травою. Сначала росла осока, но ныне, — сообщал М. Я. Диев в 1849 г., — трава мягкая, едкая и сытная для скота» [5: 100]. В «Путевых очерках» А. Ф. Писемский, рассказывая о защите Астрахани от войска Степана Разина, упоминает болото, которое, вероятно, являлось неглубоким водоёмом или низиной (*Между тем архирей приказал в болото, отделявшее городские стены от Кривуши, пустить из Волги воду…*).

В очерке <К офеням> С. В. Максимова названы такие виды болота, как *ржавое* (*…ржавые болота эти — топкие, сырые, сырые даже в то время, когда почти два месяца стояли жары невыносимые…*), *зыбун*, *заводь* (*…у нас всё болота, всё зыбуны, всё заводи*). Первая лексема в значении болото ‘с комьями бурого железняка’ представлена у Даля [4, I: 110]; вторую он толкует как ‘болото, которое зыблется, качается под ногами, опасное для ходьбы’ [4, I: 697]. Слово *заводь* в значении ‘болото’ в известных нам словарях не обнаружено (в КрКОС толкуется как ‘залив, глухой рукав реки’ [6: 118]), однако СРНГ зафиксировал употребление слова *заводи́на* в значении ‘голое место среди зарослей в озере или реке’ [22, IX: 323]. Зафиксированное С. В. Максимовым значение слова *заводь*

[14] Нерехтский краевед, историк.

как ‘чистый участок, покрытый водой, озерко на болоте’ (*«Да вон и болота пошли, на болотах озерки, что лужи, расплылись, длинные такие и рыбные, думаю». — «Заводями зовём, а рыбы в них нет никакой»* [10: 295]) не регистрируется ни литературными, ни диалектными словарями, однако авторитет писателя-этнографа даёт основание утверждать, что оно было представлено в народных говорах. Наблюдения С. В. Максимова в описании заводи: «Длинные заводи по этим болотам, заводи, которые то кажутся решительным озером, то без всякой видимой причины узятся в реку, иногда в ручеёк, который соединяет одну заводь с другою, и так как будто в бесконечность. Там, где заводь уже, встречали мы мостик утлый и трясучий (и ездят по нём, да мало — и то храбрецы), за мостом находили мы опять изрытую, крепко подержанную гать с прогнившими брёвнами, с кое-как умятым и приглаженным валежником» [10: 303].

Кроме узуального значения, слова, представляющие ландшафтную лексику, в произведениях писателей регистрируются в переносном значении, часто в составе словосочетаний. Так, в значении ‘среда, общество, характеризующиеся косностью, застоем, отсутствием живой деятельности’ в языке А. Ф. Писемского зафиксированы выражения *болото стоячее* (*Москва, как убедился князь по опыту, была в этом отношении — болото стоячее.* В водовороте), *житейская болотина* (*Едва вышед из стен училища, я сразу должен был окунуться в житейскую болотину*. Старческий грех); в языке А. Н. Островского — *болото* (*Живем себе изо дня в день, погружаемся в болото постепенно, без борьбы. Не то что волноваться, а и думать-то подчас лень.* Светит, да не греет), *заглохшее стоячее болото* (*Господа, я предлагаю выпить за здоровье артистки, которая оживила заглохшее стоячее болото нашей захолустной жизни.* Без вины виноватые), *лес*, *сыр-дремучий бор* (*Да и то сказать — образование; а здесь что? Одно слово: лес*; *…Как мы попали в этот лес, в этот сыр-дремучий бор?* Лес). Слово *болото* у А. Н. Островского имеет, помимо указанного выше, значение ‘невежество’ (*Невежество — ведь это болото, которое засосёт тебя!* Пучина). Е. В. Честняков в этом значении использует выражение *дичь лесов* (*В дичи лесов и необделанных камней искусство наше утопает…* Сказание о Стафии — Короле Тетеревином).

С фразеологизмом *тёмный лес* ‘полная неясность, неизвестность’ [27: 225] коррелирует метафора, выявленная в рассказе «Диво дивное» В. Я. Шишкова (*Заграница. Тёмный лес*). *Тёмные леса* у А. Ф. Писемского — ‘никто, ни один человек’ (*Что я почувствовала тогда — знают только ночь да темные леса.* Тысяча душ). У Е. В. Честнякова ярко выраженную негативную нагрузку несёт развёрнутое сравнение *город — как бы лес*: «Немудрая культура де-

ревни наставила стланцев и капканов с приманками на некультурных зверей в лесах. А культура городов… наставила капканов и деревенцев завлекает приманками, и вынуждает оружием попадать в “культурные” ловушки, как паук в тенёта» [29: 202–203]. Метафора *по кочкам и болотинам* имеет значение ‘преграды, неровности на жизненном пути’: «Кругом пасти и ловушки для всех, чтобы не было ни от кого капитального служения, не шли бы дальше ремесленного творчества. И так жизнь мало совершенствуется, тянется по кочкам и болотинам, тогда как давно пора устраивать пути и дороги, могучую универсальную культуру» [28: 135]. Из присловья «Революция — лава злючая…» [28: 130] устанавливается переносное значение слова *лава (трясина)* — ‘то, что засасывает, беспощадно губит творческие стремления’.

Характерное для XIX в. повышенное внимание к народной духовной культуре побуждает писателей обращаться к языку фольклора. В произведениях писателей, связанных с костромским краем, выявлены пословицы, включающие ландшафтную лексику. Зафиксированная В. И. Далем пословица *Было бы болото, а черти будут* [4, I: 110] вошла в пьесы «Просвещённое время» А. Ф. Писемского и «Воевода (Сон на Волге)» А. Н. Островского. Поговорка *В лесу живут, пенью Богу молятся*, вошедшая в ДАЛЬ [4, III: 29], в пьесе «Лес» А. Н. Островского даётся в варианте *Живём в лесу, молимся пенью, да и то с ленью*. Соотносимы с поговорками: у А. Н. Островского — ответ Бастрюкова («Воевода») *...В воде-то черти, в берегу-то черви, / В лесах коренья, пенья да сучки, / По городам подьячие крючки*, реплика Анны Устиновны («Пучина») *Москва-то хуже лесу* (ср.: *Ходить в лесу — видеть смерть на носу (либо деревом убьёт, либо медведь задерёт)* [4, II: 556]); у Е. В. Честнякова — *Хоть и много ходит люда, / Я одинокий, как в лесу* [28: 107] (ср.: *В чужом месте, что в лесе* [4, II: 279]); у В. Я. Шишкова («Алые сугробы») — *Жизнь — штука тёмная, словно лес в ночи*.

Исследование показывает, что анализируемая часть ландшафтной лексики, несмотря на имеющиеся иноязычные заимствования, в основном пополнялась за счёт диалектных слов. Наиболее ярко этот процесс отразился в языке А. Н. Островского, С. В. Максимова, А. Ф. Писемского, а также Е. В. Честнякова, владевшего живой разговорной речью. Выявлены колебания в определении значений некоторых терминов, в частности в произведениях С. В. Максимова. В лексике писателей наблюдается употребление слов ландшафтной лексики в переносном значении, притом фиксируемые метафоры, как правило, имеют отрицательную оценку. Таким образом, ландшафтная лексика, вошедшая в язык писателей XIX в., связанных с

костромским краем, отражает основные процессы, которые происходили в русском языке в обозначенный хронологический период.

Литература

1. Большой академический словарь русского языка. Т. 1–… М.; СПб.: Наука, 2004–...
2. Государственный архив Костромской области, ф. 161, оп. 1, д. 98.
3. *Ганцовская Н. С.* Живое поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е. В. Честнякова. Кострома: Костромаиздат, 2007.
4. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.: Диамант, 1996. — Даль.
5. *Диев М. Г.* Нерехта в XVIII и первой четверти XIX века. Отдельный оттиск их XIII выпуска Трудов Костромского научного общества. Кострома: Советская типография, 1920.
6. Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / сост. Н. С. Ганцовская, Г. И. Маширова; отв. ред. Н. С. Ганцовская. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2006. — КрКОС.
7. *Касаткин И. М.* Перед рассветом. Избранные рассказы / Сост., вступ. ст. и примеч. Н. И. Страхова. М. : Сов. Россия, 1977.
8. *Крысин Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов. М. : Эксмо, 2005.
9. *Лесков Н. С.* Собр. соч.: в 11 т. Т. 6 / Под общ. ред. В. Г. Базанова, Б. Я. Бухштаба, А. И. Груздева, С. А. Рейсера, Б. М. Эйхенбаума. М.: Худож. литература, 1957.
10. *Максимов С. В.* Избранное / Подготовка текста, сост., вступ. ст., примеч. С. И. Плеханова; оформ. Ю. Алексеевой и. И. В. Тихонова. М.: Сов. Россия, 1981.
11. *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Полисет, 1994.
12. Материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи / Сост. под ред. А. Н. Чудинова. – 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Изд. В. И. Губинского, 1902.
13. *Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984.
14. *Обухов Р. Е.* Народно-разговорная лексика в романе-сказке Е. В. Честнякова о Стафии — Короле Тетеревином // Честняков Е. В. Сказание о Стафии — Короле Тетеревином: роман-сказка / Сост. и авт. коммент. Р. Е. Обухов. – М.: Международный Центр Рерихов: Мастер-Банк, 2007. С. 347–360.
15. *Островский А. Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. / Под общей ред. Г. И. Владыкина, И. В. Ильинского, В. Я. Лакшина и др. М.: Искусство, 1973–1980.
16. *Писемский А. Ф.* Собр. соч.: в 9 т. М.: Правда, 1959. (Б-ка «Огонек»).
17. *Потехин А. А.* Сочинения: в 12 т. СПб.: Просвещение, 1903–1905.
18. *Рылеев К. Ф.* Сочинения / Сост. Г. А. Колосовой; вступ. ст. и прим. А. М. Пескова. М.: Правда, 1983.
19. Словарь Академии Российской. Ч. I–VI. СПб., 1789–1794.

20. Словарь говоров Русского Севера. Т. 1 / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001.
21. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Сост. под ред. Н. Ф. Берга. М.: Типолит. И. Н. Кушнерев и К°, 1901.
22. Словарь русских народных говоров. Л; СПб.: Наука. — СРНГ.
23. Словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.
24. Словарь церковно-славянского и русского языка: в 4 ч. СПб.: Тип. Император. акад. наук, 1847.
25. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 т. СПб.: Тип. Император. акад. наук, 1912. Т. 3. Стлб. 242.
26. Толковый словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1. М.: ОГИЗ, 1935. — ТСРЯ.
27. Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Фёдоров; под ред. А. И. Молоткова. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986.
28. *Честняков Е. В.* Поэзия / Сост., вступ. ст. Р. Е. Обухова. М.: Компьютерный аудит, 1999.
29. *Честняков Е. В.* Сказание о Стафии — Короле Тетеревином: роман-сказка / Сост. и авт. коммент. Р. Е. Обухов. М.: Международный Центр Рерихов: Мастер-Банк, 2007. С. 347–360.
30. *Шишков В. Я.* Алые сугробы: повести и рассказы / Сост., послесл. Д. Благова. Л.: Худож. лит., 1990. (Классики и современники. Советская литература).